
Джон Дуглас

НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ: КАК И ПОЧЕМУ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЗДАЮТ СТРУКТУРИРОВАННЫЕ РЫНКИ ВОЗМОЖНОСТЕЙ¹

Статья поступила
в редакцию
в декабре 2010 г.

В Соединенных Штатах идея развития человеческого капитала в целях процветания экономики и общества стара, как сама нация, и лежит в основе создания первой в мире системы массового высшего образования. Сегодня большинство государств соревнуются в расширении доступа в университеты и колледжи и увеличении их роли в обществе. Высшее образование приобретает все большее значение в деле формирования культуры честности и — последовательно — в наращивании человеческого капитала, стимулировании социально-экономической мобильности и повышении национальной экономической конкурентоспособности. В настоящей работе показано, как все подходы — в том числе всевозможные поставщики образовательных услуг, увеличение числа учащихся и объема программ — работают на формирование того, что я назвал структурированными рынками возможностей (CPB) в высшем образовании. Системы высшего образования в развитых и развивающихся странах, а также в ряде случаев в наднациональных объединениях, таких как Европейский союз и нарождающиеся организации сотрудничества в Юго-Восточной Азии, будут

¹ John Aubrey Douglass. Higher education's new global order: How and why governments are creating structured opportunity markets. CSHE.10.09 (December 2009) <http://cshe.berkeley.edu/> (пер. с англ. Н. Микшиной). Данная статья созвучна главе из книги «Доступность, справедливость и производительность в высшем образовании Азиатско-Тихоокеанского региона» («Access, Equity and Capacity in Asia Pacific Higher Education»), над которой я сейчас работаю (готовится к печати в издательстве Palgrave Macmillan под редакцией Дин И. Нойбауэр и Йоширо Танака), и докладу, с которым я выступил на международной конференции, проводившейся в тайваньском университете Чжэн Чжун (Cheng Chung) при финансовой поддержке центра «Восток-Запад»; тезисы конференции опубликованы ранее в «Вестнике Всемирной университетской инновационной сети (ЮНЕСКО)» и доступны в режиме реального времени. Благодарю Ричарда Эдельштейна, Сюй Дан, Ма Вануа, Роджера Брауна и Пэт Пелфри за работу над предшествовавшими набросками.

все в большей мере включать большинство компонентов — если не все компоненты — СРВ, отчасти под влиянием общемирового процесса использования опыта государственного управления других стран. Странам и регионам, не применяющим основные компоненты СРВ, придется представить рациональные доводы как на внутренних, так и на международных форумах и объяснить, почему они оставляют без внимания те или иные аспекты этой модели. Завершает статью замечание относительно вклада разных стран в выработку будущей модели образования: США выдвигают структурные и рабочие модели для многих складывающихся национальных систем высшего образования, ЕС помогает понять, как проводить реформу высшего образования в современном мировом контексте и в условиях все большей соревновательности.

«Главным приоритетом для государств должна стать выработка цельной и всеобъемлющей картины будущего высшего образования, с тем чтобы дальнейшее развитие политики в среднесрочной и долгосрочной перспективе отвечало национальным социально-экономическим задачам».

«Высшее образование в информационном обществе» — Программа ОЭСР «Организационно-управленческая структура высшего образования», июнь 2008 г.

Наши правительства вдруг прозрели. Они наконец поняли, что экономическое и социальное будущее страны в значительной степени зависит от того, насколько образованно ее население, и как следствие, от размера и качества систем высшего образования и высших учебных заведений. В рамках этой относительно новой политики и экономической среды характерные для административно-командной экономики методы создания и регулирования массового высшего образования, когда-то преобладавшие в большей части мира, перестают работать. И возникает то, что я определил как «структурированные рынки возможностей» в высшем образовании: в сущности, это ковергенция усилий государств-наций по формированию более гибкой и легче регулируемой сети государственных вузов. Это, в частности, поставщики образовательных услуг, преследующие различные цели и выполняющие разные задачи, новые финансовые структуры и увеличение числа студентов и объема учебной программы.

Сегодня граждане и государства всего мира коренным образом переосмысливают значение высшего образования, изменяются качество и структура национальных систем. Так куда мы движемся? Далее мы приводим основные характеристики модели СРВ, краткий анализ причин проведения реформ высшего образования по этой модели, указываем важнейшие переменные политической

конъюнктуры, так или иначе влияющие на эти реформы (такие как демографические и культурные факторы), и наконец разберем вопрос, почему на смену США как модели для реструктуризации и расширения систем высшего образования приходят страны Европы и других регионов. Цель работы — предложить относительно простой способ объяснения стремительных и часто сложных изменений, наблюдаемых в общемировом масштабе. Надеюсь, статья будет полезна ученым и практикам в условиях проведения реформ и реструктуризации систем высшего образования, которые имеют не местный, как может показаться, а глобальный характер.

Системы высшего образования в развитых и развивающихся странах, а также в ряде случаев в наднациональных объединениях, таких как Европейский союз и организации в Азии и Южной Америке, будут все в большей мере включать большинство компонентов — если не все компоненты — СРВ, отчасти под влиянием относительно нового и активно развивающегося общемирового процесса использования опыта государственного управления других стран. Странам и регионам, не применяющим основные компоненты СРВ, придется представить рациональные доводы как на внутренних, так и на международных форумах и объяснить, почему они оставляют без внимания те или иные аспекты этой модели. Важным следствием этой внутри- и межнациональной полемики стала выработка в той или иной форме более детального и, возможно, в конечном счете более цельного понимания структуры и роли высшего образования в обществе.

Компоненты СРВ в целом в мире еще не реализованы, но существуют в виде медленно нарождающейся авторитетной модели, определяемой универсальными представлениями о том, какие методы для обеспечения одновременно широкого доступа, высокого качества и продуктивности университетов и колледжей наиболее эффективны. Реформы, проводимые правительствами и образовательными учреждениями, требуют соблюдения местных политических и общественных установлений, но все в большей мере корректируются с учетом неудач, постигших другие страны, или успехов, прославивших такие вузы, как Массачусетский технологический институт, или Беркли, или Калифорнию с ее новаторской идеей двухгодичного муниципального колледжа.

1. Характеристики структурированных рынков возможностей

Характеристики СРВ

Рынки высшего образования

Направленность на большую дифференциацию целей и задач

Альтернативные пути доступа к высшему образованию

Поставщики образовательных услуг, ориентированные на открытый доступ

Автономия государственных учреждений

Регулируемые некоммерческие и коммерческие частные секторы

Отчетность по качеству обучения
Культура самосовершенствования вузов
Экспериментальная деятельность вузов и регионов
Политика равных возможностей
Прием большего числа иностранных студентов
Удержание лучших и наиболее талантливых студентов после выпуска
Координация политики вузов
Общие для регионов принципы работы

Финансирование высшего образования

Различные источники финансирования вузов
Конкурентоспособное финансирование исследовательских работ
Модель умеренной оплаты и значительной финансовой помощи
Прием студентов на основе открытого конкурса и предоставление финансовой поддержки
Налоговая политика с учетом интересов высшего образования и студентов

Общие принципы управления и организации

Каким должен быть ректор университета
Управляющие советы вузов
Совместное управление преподавателей и администрации
Научно-исследовательский потенциал вуза
Оценка успешности обучения на основе успеваемости

Доступность и реформа учебного плана

Соответствие ученых званий
Возможность для студентов получить кредит
Функция перевода/зачисления в вуз

Немаловажное политическое преимущество состоит в том, чтобы ориентироваться на достижения конкурентов: так легче преодолеть наследие прошлого, когда поиск решения проблем ограничивался почти исключительно внутринациональными дискуссиями, в которых организационные подходы и идеи, считавшиеся «чужеродными», подчас открыто отрицались, — особенно характерно такое отношение для народов с колониальным прошлым.

Кто-то назвал этот процесс американизацией высшего образования, отчасти из-за канонических и, я бы даже сказал, несколько романтизированных достоинств американской модели. Но, на мой взгляд, такая характеристика ошибочна, прежде всего потому, что ряд наиболее значительных реформ в области высшего образования осуществляется в других странах, и эти реформы приводят к появлению новых моделей в ключевых сферах, таких как доступность и финансирование. Возникают условия для намного более

динамичного и глобального обмена опытом государственного управления между странами.

Понятие «структурированный рынок возможностей» — это моя попытка зафиксировать некоторые из представляющихся мне универсальными аспектов этого квазипроцесса конвергенции национальных концепций высшего образования, не забывая о том, что подобные подходы еще не стали основанием для конструирования единой международной модели. Политическая культура и социально-экономические факторы наряду с наследием оставшегося в прошлом институционального строительства играют здесь важнейшую роль. При этом политически и экономически нестабильные регионы мира, не охваченные процессом глобализации, видимо, будут серьезно отставать в процессе сближения их систем образования с формирующейся общей концепцией.

С учетом этих оговорок я утверждаю, что через десяток лет большинство национальных систем мира будет включать приведенные ниже компоненты СРВ, не в последнюю очередь вследствие общерегиональных усилий по координации национальных систем высшего образования, которые начинают предприниматься как раз сегодня. В этом эссе я пытаюсь заглянуть в будущее, по общему признанию частично уже наступившее во многих странах, но, конечно, не во всех. Указанные здесь характеристики модели СРВ служат инструментом или картой для выверки соответствующего пути и определения прогресса действующих национальных систем высшего образования.

Во многих странах национальные системы высшего образования в современную эпоху пережили три фазы развития. В начальный период высшее образование было в основном элитным, в соответствии с национальной культурой и социальными ожиданиями оно было доступно немногим и обслуживало преимущественно потребности привилегированного класса, готовя студентов к государственной службе и обучая профессиям.

На втором этапе системы высшего образования подверглись существенной реорганизации. Гораздо более значительная, чем прежде, доля населения стала выступать в качестве наемных работников, больше стало людей, которые стремились дать своим детям высшее образование. Результатом стали такие национальные начинания, как быстрое создание новых вузов, преобразование старых, когда-то элитных, и формирование таким образом часто однородной и не отличавшейся тонкой дифференциацией массовой экосистемы высшего образования. Эта экосистема была «националистической»: программы подготовки на ученую степень были специфичны для национального рынка, у студентов было немного — если они вообще были — возможностей продолжить образование или найти работу за пределами своей страны, и национальные университеты работали без оглядки на конкурентов на международном рынке преподавательских услуг или в области

1. 1. Формирование рынка высшего образования

научных исследований. В рамках этой парадигмы студенту, как правило, предлагались (и до сих пор предлагаются) только один или два пути к высшему образованию с отбором в виде утвержденных государством тестов в определенном, и часто юном, возрасте, что только усугубляет классовые и социально-экономические различия в обществе.

Модель СРВ, появляющаяся на третьем этапе, бесспорно представляет собой более дифференцированный, в большей мере ориентированный на потребителя и основанный на рыночных принципах подход к расширению доступа и управлению численностью контингента, предполагающий различные бюджетные и структурные ограничения и преследующий одну цель: повышение социально-экономической мобильности общества и экономическое развитие. Этот подход подразумевает понимание глобального характера высшего образования и все более активное сотрудничество студентов, преподавателей, ученых и взаимодействие академической, научной и технической сетей на международном уровне. Характерные черты модели СРВ — более тонкая *дифференциация целей и задач* существующих и создающихся высших учебных заведений и, следовательно, *альтернативные пути доступа к высшему образованию*.

Дифференциация целей и задач, стимулируемая рыночными условиями и правительством, является структурной единицей формирования более динамичной системы доступа и успешного обучения в учреждениях высшего или среднего профессионального образования. Если когда-то это был монолит элитных, привилегированных университетов и, может быть, ряда учебных заведений профессионального образования, то сегодня национальные системы большинства стран мира перестраиваются так, чтобы включить большее разнообразие вузов с различными функциями. Эта тенденция вкпе со специализированными учебными программами обещает студентам лучшие условия для развития интересов и получения необходимых навыков. Она также позволяет надеяться, что каждый вуз приложит все усилия к тому, чтобы обрести собственную роль в системе высшего образования в целом.

Словом, национальные государства в большинстве своем начинают понимать, что университет — это не обязательно универсальный вуз, что университеты могут быть более специализированными (при наличии широкого спектра необходимых учебных заведений) и что это может быть не только всеобъемлющий научно-исследовательский центр, но и педагогический институт с уклоном в гуманитарные науки или вуз, предлагающий первоклассные программы специальной профессиональной подготовки, например инженеров-конструкторов, или вуз, обучающий как профессии, так и языкам, или сочетающий так или иначе все перечисленное.

Следующий этап этого порой очень непростого процесса реорганизации национальных систем высшего образования — дальнейшее уточнение госучреждениями (по-прежнему выступающими

главными поставщиками образовательных услуг в большинстве стран) их практических задач на соответствующих рынках и стремление к наилучшим результатам в этой области. Многие вузы уже этим занимаются, но их руководителям следует помнить, что здесь еще многое можно сделать и что они смогут еще больше гордиться своими усилиями.

Дифференциация целей и задач также предполагает перспективу сдерживания расходов — как для отдельных людей, так и для правительств. Эгалитаристы хотели создать государственные вузы так, чтобы все они выполняли одни и те же задачи, имели один и тот же спектр учебных программ и располагали одними и теми же общественными ресурсами. Но очень немногие — если вообще такие есть — государства могут позволить себе такую модель, при этом она не в состоянии обеспечить появление перво-классных вузов повсеместно.

Наконец, дифференциация целей и задач наряду с функцией приема/перевода студентов (обсуждается в разделе 4) означает рост доли населения, имеющей возможность получить высшее образование, официальные и более комплементарные связи между вузами и в конечном счете большую последовательность систем высшего образования.

Вместе с тем единой национальной модели построения этой дифференцированной системы пока не существует. Историческое развитие существующих высших учебных заведений и обусловленная культурными особенностями разница в социально-экономических запросах и в потребности в рабочей силе порождают и будут порождать различные национальные подходы и решения.

Вследствие переопределения понятия «доступ к высшему образованию» по всему миру появляется все больше *организаций, обеспечивающих открытый доступ к образовательным услугам*. В эпоху, предшествовавшую формированию СРВ, большинство государств-наций ограничивалось тем, что открывало новые вузы и расширяло существующую сеть преимущественно государственных университетов. Сегодня более общедоступные формы высшего образования реализуются через государственные учреждения или частный сектор и включают как программы предпрофессионального, профессионального обучения, обучения взрослых, так и курсы и программы подготовки к высшему образованию.

Предоставление *значительной институциональной автономии государственным вузам* в управлении учебными и финансовыми делами и определении лучших способов взаимодействия с обществом и частным сектором, по-видимому, является решающим фактором создания первоклассных университетов.

Даже страны с традиционно административно-командной экономикой и жестким государственным регулированием высшего образования признают, что формирование университетского сектора и развитие эффективных и конкурентоспособных в мировом масштабе вузов невозможно без предоставления им

большей свободы в управлении собственной деятельностью. Она по-разному проявляется в учебной работе и финансовой сфере, но главным показателем качества вуза является степень свободы преподавателей и способность как руководителей вузов, так и преподавателей сказать, к примеру, «да» сотрудничеству с организациями частного сектора и «нет» посягательствам на академические свободы и самоуправление вуза.

Отчетность по качеству преподавания будет приобретать все большую ценность по мере того, как вузы будут становиться все более автономными, и государственные и частные университеты и колледжи смогут предоставить правительству и обществу доказательства разумного, ответственного управления. Требование доказывать улучшение качества учебных программ и большую их эффективность (в том, что касается, например, сдерживания затрат или времени, необходимого для получения ученой степени) во многом является внешним, и с этим связаны различные критерии и мерки, устанавливаемые правительствами и в отдельных случаях обществом или коммерческими рейтингами. Но ключ к обеспечению качества — это создание *культуры институционального самосовершенствования*, в основном внутренней по отношению к университетам.

Необходимость сделать отчетность более открытой привела к тому, что государства выпускают все новые и новые предписания, и некоторые из них носят откровенно интервенционистский характер, как, например, в Англии, где первые версии Программы оценки качества исследовательской работы в учебных заведениях (Research Assessment Exercise, RAE) и Программы обеспечения качества преподавания (Teaching Quality Assessment, TQA) породили невероятно сложный порядок отчетности и фактически оказали весьма скромное влияние на институциональное самосовершенствование вузов. Это первое покушение уже дало повод поразмышлять над неожиданными для правительственных служащих реакциями вузов в отношении системы оценки и обеспечения качества, вызвало разговоры о возможной коренной переработке программы RAE и даже ее прекращении. Тем не менее правительства продолжают ставить эксперименты с реформой управления, спущенной сверху, полагая, что это единственный путь изменения стиля работы вузов и измерения прогресса.

Проанализировав последние результаты работы систем обеспечения качества, Роджер Браун сделал вывод, что на нынешнем этапе они способствуют скорее не самосовершенствованию вузов, а росту успеваемости и совершенствованию рейтингов, которые правительства и коммерческие организации рассматривают как приоритеты².

² Браун Р. Меняющаяся структура обеспечения качества // Доклад, прочитанный на форуме австралийских университетов, посвященном вопросам качества, в Элис-Спрингс, Австралия, 2 июля 2009 г.

По всем этим причинам сами вузы должны проявлять более творческий подход и быть открытыми к сотрудничеству с другими подобными вузами, расширяя диалог об отчетности, с тем чтобы эта работа была скорее восходящим движением, а не вмешательством сверху, как в основном происходило до сих пор. В дальнейшем проработанные системы высшего образования будут все в большей мере характеризоваться *внутренними критериями качества*, собственными механизмами (например, регулярный академический пересмотр программ) и внутренней культурой самоанализа и самосовершенствования.

Важно понять, могут ли спущенные сверху меры и требования по обеспечению качества вместе с государственными и коммерческими рейтингами в конечном счете способствовать дифференциации целей и задач и поощрять внутреннюю работу по обеспечению качества. Множество внешних требований чревато установлением единых показателей качества и успеваемости для всех вузов и игнорированием нюансов, возникающих вследствие разницы целей и задач, в том числе типа учебных программ и демографических характеристик студентов.

Необходимо создать условия для *хорошо управляемого как некоммерческого, так и коммерческого частного сектора*. Страны, где нет качественных некоммерческих и коммерческих вузов, по видимому, недостаточно гибки и не осознают значения разнообразия поставщиков образовательных услуг. С другой стороны, страны, где широко представлены коммерческие вузы, обычно не предпринимают достаточных усилий для формирования систем государственного массового высшего образования. Чрезмерная зависимость от коммерческих вузов с высокими издержками, предлагающих услуги среднего и низкого качества, часто — из соображений выгоды — максимально дешево, как правило, означает неспособность страны активно развивать системы государственного массового высшего образования.

Поощрение *институциональных и региональных экспериментов* — еще одно крайне важное правило для государств-наций. Они должны с готовностью поддерживать инновационные подходы к расширению доступа, создание организационной инфраструктуры «с нуля», первоклассные исследования и более активное взаимодействие с местными, региональными, национальными и международными предприятиями. Для этого часто требуется заново определить отношения между национальными правительствами и их министерствами, с одной стороны, и региональными правительствами и вузами — с другой. Создание условий для более широкого экспериментирования в регионах — часто это бывает сложный политический процесс — усиливает соревновательность между ними и в дальнейшем способствует внедрению лучших практик по мере их появления.

В тех государственных университетах, которые осуществляют тщательный отбор студентов, для *расширения доступа к образованию социально незащищенных групп населения* предпринимаются

все более продуманные меры (такая практика получила название положительной дискриминации или политики равных возможностей в США и Соединенном Королевстве) с целью учета социально-экономических и расовых факторов при приеме и увеличения числа студентов из неблагополучных семей или студентов с особыми талантами.

Среди упрощенческих подходов к расширению доступа к образованию социально незащищенных групп следует упомянуть введение квот; более современные подходы учитывают целый комплекс факторов — не только вероятность того, что студент добьется успехов в учебе и закончит университет, но также: а) его способность преодолевать трудности, мотивацию, потенциальную академическую и гражданскую активность в университете и б) то, как госуниверситет может наилучшим образом формировать общество, которому служит, и воздействовать на него, способствуя в том числе повышению социально-экономической мобильности.

Как правило, логика развития положительной дискриминации как на национальном, так и на институциональном уровне включает сначала введение квот, что особенно очевидно на примере Индии, где квота распространяется на определенные классы общества, а затем более тонкий подход — попытки инкорпорировать в систему отбора ценности, отражающие все более усложняющееся понимание индивидуальных достоинств и потенциала абитуриента как успешного студента и как члена общества.

Попытки активизировать национальные системы высшего образования в основном будут включать *стимулирование приема иностранных студентов* и поиски новых способов *удержать лучших, наиболее талантливых студентов в своей стране после окончания ими вузов*.

Многие компоненты структурированного рынка возможностей обусловлены всеобщими усилиями не только взрастить национальный талант, но и удержать сильных студентов, перед которыми теперь открываются широкие международные перспективы и которые признают лучшими вузы с высоким уровнем автономности и академических свобод или с мощными источниками финансирования и мировыми амбициями. В то же время таланты-космополиты, будь это студенты или преподаватели, будут все больше учитывать при решении вопроса о месте работы и жительства не только активность и влияние отбирающих исследовательских центров, но и качественный уровень национальных систем высшего образования.

Глобальный характер рынков высшего образования обуславливает три установки национальных государств. Первая состоит в том, чтобы рассматривать высшее образование как важнейшую статью национального экспорта и в качестве способа привлечь таланты и спонсоров набирать иностранных студентов не только на условиях очного обучения и проживания на территории кампуса, но и дистанционного образования. Вторая — в том, чтобы относить высшее образование к сфере внешней политики и считать

частью постепенно развивающихся взаимоотношений между государствами, необходимых для создания глобальных сетей талантливых студентов, преподавателей и специалистов. Третья: необходимость формирования для перечисленных целей первоклассных вузов, которые смогут увеличивать численность контингента и объемы программ³.

По мере того как государства стремительно расширяют свои системы высшего образования, возникает настоятельная необходимость предпринимать *новые совместные усилия по координации деятельности между вузами*. Это могут быть программы двойного набора студентов, общее пользование материальной базой, расширение политики формулирования общих требований к абитуриентам или создания единого административного подразделения для подачи документов в несколько вузов сразу, как это организовано в Англии.

Несмотря на то что высшее образование остается прерогативой национальных государств, на формирование политики все большее воздействие оказывают новые *межрегиональные политические режимы*. Речь идет об объединении усилий определенных групп наций в пределах региона по согласованию реформ, активизации обменов студентами и преподавателями, разработке новых механизмов финансирования исследований и повышению качества, престижа и соревновательности университетов данного региона.

Болонская декларация — ярчайший пример межрегионального сотрудничества, который оказывает значительное влияние на все еще складывающуюся европейскую зону высшего образования, другой пример — недавнее постановление комиссии Европейского союза о Седьмой рамочной программе, направленной на финансирование исследований в университетах Центральной Европы на конкурсной основе.

Пример Европейского союза, а также заключение официальных соглашений об экономическом сотрудничестве между регионами и создание ассоциаций побуждают другие крупные регионы, и прежде всего национальные министерства образования, задуматься о преимуществах более согласованного сотрудничества — отчасти потому, что в каждом регионе государства сталкиваются со сходными трудностями в реформировании систем высшего образования, и кроме того, потому, что национальные правительства все более систематично делают шаги к сотрудничеству и перениманию иностранных идей.

На Болонскую декларацию ориентируется ряд южноамериканских наций. При поддержке Ассоциации стран Юго-Восточной

³ Более подробный анализ смещения мировых рынков талантов см.: Дуглас Д.О., Эдельштейн Р. Глобальное соревнование за талант: стремительно меняющийся рынок иностранных студентов и потребность в выработке стратегии в США. Центр исследований в области высшего образования. CSHE.8.2009 (октябрь 2009) <http://cshe.berkeley.edu/>.

Азии (АСЕАН) и все более активной Организации министров просвещения Юго-Восточной Азии формируется азиатская зона высшего образования. Эти организации вначале сосредоточили свои усилия на выработке азиатской программы «Эразмус» — аналога европейской программы содействия мобильности иностранных студентов. Но, безусловно, этим они не ограничатся⁴.

«Европеизацию» мирового высшего образования как одно из проявлений смещения мировых центров силы осуществляют такие организации, как Европейская комиссия, Германская служба академических обменов (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD), Нидерландская организация международного сотрудничества в области высшего образования (The Netherlands Organization for International Cooperation in Higher Education, NUFFIC), Британский совет, КампусФранс (бывший ЭдуФранс) и Европейское бюро координации сотрудничества (European Aid Cooperation Office). Они организуют международные форумы и поощряют национальные и институциональные соглашения о совместной работе. Американские госучреждения подобных усилий не предпринимают и, в отличие от многих развитых и развивающихся стран, продолжают воспринимать высшее образование как сферу внутренней политики.

1. 2. Финансирование высшего образования

Главным фактором успеха в выстраивании рынка доступного и высококачественного высшего образования становится активный поиск всевозможных источников финансирования, включая модель *умеренной оплаты учебы и значительной финансовой помощи*. Значение творческого подхода в финансировании высшего образования трудно переоценить: это то, что действительно определяет будущий резонанс и эффективность систем массового высшего образования и всех видов учреждений высшего и среднего профессионального образования.

Поиск *различных институциональных источников финансирования*, а не пассивное ожидание, что правительство обеспечит большую часть необходимых средств, как это было на первом этапе формирования большинства систем массового высшего образования, уже стал основным принципом развития большинства вузов, и в особенности университетов, которые являются исследовательскими центрами.

Правительство должно последовательно покрывать существенную часть расходов и постоянно брать на себя как текущие, так и капитальные затраты, предпочтительно в зависимости от рабочей нагрузки преподавателей и других факторов. Но активные вузы будут искать и другие источники; а те, кто этого не делает или ограничен правительством и (или) политической культурой и полностью зависим от государственных источников финансирования,

⁴ Курода. К. Возможности и трудности в разработке новой региональной рамочной программы высшего образования в Азии / Доклад, представленный на Пекинском форуме, Пекинский университет, 6 ноября 2009 г.

окажутся намного менее конкурентоспособными на международной арене.

Конкурентное финансирование исследовательских работ заменяет или дополняет прежние системы финансирования научных исследований, которые главным образом представляли собой денежные субсидии вузам, и часто — совместно с бюджетом для учебной части и преподавателей. В то время как национальные министерства и другие организации, финансирующие фундаментальные научные исследования, обычно выделяют средства определенным вузам на определенные исследования, например в области нанотехнологий или энергетики, все больше государств организуют что-то вроде открытого соревнования, не связанного ни с какой определенной областью наук, и привлекают к оценке предложений экспертов. Новый научный совет Европейской комиссии, в некоторых отношениях сходный с Национальным научным фондом США, будет финансировать предложения на основе экспертных оценок, что может оказать глубокое влияние на стиль работы европейских академиков.

Большинство национальных государств будет работать или уже работает по модели умеренной платы за обучение и значительной финансовой помощи исходя из основополагающего и крайне важного представления, что плата за обучение и различные сборы — это средство перераспределения доходов и поддержки студентов из семей с низким доходом и других социально уязвимых групп населения.

Взимание платы подразумевает расчет стоимости обучения в вузе для среднего студента и должное распределение этой стоимости между обществом, вузами и отдельными людьми, извлекающими выгоду из доступа к этому общественному благу. В большинстве вузов плата за обучение составит 10–30% (или выше) от общих поступлений вуза.

Во многих странах имеет место яростное сопротивление введению платы за высшее образование в какой бы то ни было форме, что отражает ценности послевоенного времени, в частности в Европе, где образование считается общественным благом, которое должно полностью финансироваться правительством. Но этот идеал разрушается; среди первопроходцев здесь Австралия, Англия, Германия, Нидерланды и, возможно, в скором времени Франция — в этих странах в свое время отстаивать университетские сборы в законодательном порядке значило поставить крест на своей политической карьере.

Для того чтобы дискуссия о роли платы за обучение была плодотворной, нужно прежде всего ясно понимать, что дело не только в извлечении дополнительной выгоды; всякое обсуждение и анализ последствий введения оплаты или ее увеличения должны сопровождаться расчетом того, насколько эти меры помогут покрыть издержки на обучение для студентов из неимущих семей и других целевых групп населения.

Действительно, ясное понимание связи между увеличением финансирования — посредством платы за обучение или как-то иначе — и доступностью образования необходимо для того, чтобы не упускать из виду миссию вузов, а также в политических целях: плата должна способствовать в какой-то мере перераспределению богатств и привилегий — эта концепция помогает повысить политическую эффективность новых видов платы за обучение или увеличения существующей платы и других взносов.

В то же время национальные государства должны вырабатывать относительно простые и, что самое главное, *прозрачные правила доступа к финансовой помощи и ее предоставления*. Это возвращает нас к вопросу о сотрудничестве вузов и координации их работы. Если общие правила приема и предоставления финансовой помощи остаются в основном на усмотрение каждого вуза в отдельности, результатом становится непоследовательность требований к студентам и возникает опасность формирования такого высшего образования, которое оказывает, скорее, негативное воздействие на студентов из менее благополучных в социально-экономическом отношении слоев населения.

Наконец, ключевым компонентом формирования широкого спектра источников финансирования и получения финансовых вливаний, необходимых для увеличения контингента учащихся и развития учебных программ, является более либеральная *налоговая политика, выгодная как для системы высшего образования, так и для студентов*. Многие страны начинают рассматривать налоговую политику не просто как средство получения доходов от финансируемых правительством услуг, но и как основное средство влияния на рынки и на установки отдельных людей. Налоговые льготы для студентов и их семей, очевидно, будут развиваться и расти как способ поддержать семьи с низким доходом и предоставить им доступ к высшему образованию.

Многие национальные государства также будут предоставлять или уже предоставляют налоговые льготы отдельным специалистам и корпорациям, финансируя тем самым исследовательские работы на базе университетов и покрывая капитальные затраты или учреждая и финансируя благотворительные фонды. Привлекательная налоговая политика станет частью расширенного портфолио финансовых источников вузов.

1. 3. Организационно-управленческая структура

Элементы складывающейся модели СРВ требуют существенного усиления институциональной автономности вуза, подразумевающей фактически передачу возросших управленческих полномочий внутриакадемическим лидерам и управленческим структурам отдельных вузов. Однако, как уже отмечалось, этот сдвиг в управлении должен сочетаться с отчетностью по успеваемости и в конечном счете со способностью университетов и других вузов к ответственному управлению внутренней деятельностью.

На предшествующих этапах формирования систем массового высшего образования решались масштабные вопросы организации и финансирования; и эти вопросы по-прежнему актуальны, но сегодня успехи в поиске финансирования для вуза и прогресс в том, что касается проведенных исследований, полученных патентов, выпускников, владеющих навыками и умениями мирового уровня, связываются прежде всего с различными аспектами качества и эффективности институционального управления и культуры.

Министерства образования склонны насаждать сверху тот или иной политический курс, направленный на повышение качества. Но такие вмешательства были и будут в конце концов малоуспешны, более того, они часто носят разрушительный характер, устанавливая власть бюрократии и отнимая у преподавателей и сотрудников вуза время и энергию.

Конечной целью должно быть стремление помочь вузам более четко определить свои цели и задачи, чтобы на этой основе стало возможным управление внутренней деятельностью и формирование институциональной культуры, направленной на самосовершенствование вуза. Довод в пользу большей автономности состоит именно в том, чтобы обеспечить возможность совершенствовать управление внутренней деятельностью вуза. Существует ряд общепризнанных характеристик наилучшего институционального управления, которые мы перечисляем ниже. Университетам, развивавшимся в условиях весьма ограниченной автономии и долгое время испытывавшим влияние жесткой и обязательной правительственной политики, будет труднее выработать способности к институциональному управлению.

Национальные государства постепенно приходят к пониманию необходимости институционального руководства во главе с президентом университета. Во многих странах роль президента вуза (или ректора, проректора, декана) была совершенно незначительной: это была либо формальная функция в университетском сообществе, либо временная выборная должность без какой-либо реальной власти в управлении вузом. Обширные полномочия и часто грубое вмешательство министерств, правила и предписания, выпускаемые национальными правительствами, оставляли крайне мало возможностей для формирования сколько-нибудь действенных управляющих советов.

Сегодня положение дел меняется в большинстве стран мира, официальная правительственная политика уступает позиции, президенты университетов получают больше власти, в том числе в управлении бюджетом и администрацией.

Институциональные управляющие советы при национальных университетах также будут расти как в числе, так и по значению. Создававшиеся сначала для установления контактов с предприятиями и другими субъектами университетской структуры, а также для привлечения денежных средств, управляющие советы теперь играют все более значительную роль в определении политики вуза

и показателей деятельности, обладая непосредственными полномочиями назначать и устанавливать срок пребывания на посту президента и других руководителей вуза, а в некоторых странах частично заменяют более отдаленные, более бюрократизированные и часто менее внимательные министерства.

Еще один элемент институционального управления, нарождающийся в эпоху усиления автономности вузов и в условиях ожидаемого самосовершенствования качества и эффективности, — введение новых норм совместного управления преподавателей и администрации. В зависимости от культурных традиций государства особая роль преподавателей в управлении часто стремительно развивающимся вузом — важнейший вопрос, непосредственно связанный с качеством образования и успешностью университетов в долгосрочной перспективе.

Учитывая то, что руководители вузов, такие как президент, сегодня обладают большей властью, чем когда-то, возникает необходимость в четком определении роли преподавателей, особенно в вопросах, связанных с учебной деятельностью университета, включая учебные программы и учебный план, академическое развитие и правила приема (там, где имеет место институциональная свобода действий). В вузах должны быть официальные представительные организации преподавателей («преподавательский сенат» или что-то подобное), где различалось бы руководство профсоюзом, руководство первостепенного значения в определенных областях (решения, связанные с учебными программами), совместное руководство (назначаемое преподавателями) и консультативная функция (основные решения по бюджету, связанные с учебными программами).

Исследовательские ресурсы вуза — чрезвычайно важный элемент возросшей административной ответственности, также значимый для институционального самосовершенствования. Большинство университетов мира не выработали каких-либо определенных стратегий или четкой официальной политики сбора касающейся вуза информации и найма квалифицированного персонала для проведения анализа, без которого вряд ли осуществимо компетентное и передовое управление и лидерство вузов.

Академические карьеры, выстраиваемые на основании успешности, все больше распространяются в качестве нормы и заменяют в некоторых странах систему продвижения преподавателей по служебной лестнице, аналогичную существующей на государственной службе, согласно которой высшей ценностью считается стаж работы, на основании стажа происходит назначение на должность и выстраивается служебная иерархия. Ключевым компонентом создания жизнеспособной и разумной системы экспертной оценки является четко сформулированный критерий назначения на должности и продвижения по службе и процесс ревизии, который бы формально доносил решения

старших штатных преподавателей, желательно через комитет учебного сената, до руководства вуза.

Аккредитация вуза и учебной программы является основополагающим элементом самосовершенствования вуза и, как правило, состоит из некоторых упорядоченных внутренних процедур выявления сильных и слабых сторон учебных программ и оценки сторонней организацией или назначенной вузом экспертной группой. В большинстве стран формы отчетности разработаны под эгидой министерств и интегрированы в процесс формирования правительственного курса. Но конечная цель аккредитации должна состоять в выстраивании диалога между вузами о том, как совершенствовать преподавание, исследовательскую работу, общественные услуги, как точнее сформулировать цели и задачи.

В стремлении обеспечить условия для массового высшего образования политики исходят из того факта, что способности студентов к обучению и социализации очень разнятся и что темпы развития у разных студентов различны. Поэтому возникает необходимость в существовании вузов различных типов и — во избежание социально-экономического трекинга — какого-то связующего звена в учебном плане, которое бы помогало студентам как войти к систему высшего образования, так и выходить из нее, в зависимости от их развития и устремлений.

Региональные усилия по определению некой формы соответствия ученых званий а-ля Болонское соглашение требуют реформы учебного плана. На смену национально и даже институционально специфичным нормам в отношении того, какой срок требуется для получения той или иной ученой степени и каково ее значение, приходит международная стандартизация. Это важно для студента, поскольку соответствует процессу глобализации экономики в том, что касается значения ученой степени; это важно для вузов, поскольку обычно включает пересмотр учебного плана и его целей.

Возможность получить банковский кредит на образование наряду с попытками согласования ученых званий и дифференциацией целей и задач вузов способствует большей мобильности студентов, дает им возможность выбора между вузами различных типов и различными программами.

Возникающие схемы перевода/зачисления между вузами различных типов (как правило, с двухгодичной программы на трех- или четырехгодичную, но не только) — еще одно преимущество упомянутой реформы учебного плана. Хотя зарождаются они во многих странах мира, развиваться такие схемы будут скорее в качестве компонентов национальных систем высшего образования.

Пересмотр учебного плана и образовательной программы, завершающийся получением степени, ставит на повестку дня вопрос об *общеобразовательной подготовке* в той или иной форме даже при трехгодичных программах бакалавриата, ориентированных на определенную область знаний. В сущности, все более

1. 4. Доступность образования и реформа учебного плана

усиливается и признается научным сообществом и частным сектором потребность в широко образованном инженерере или ученом, который бы имел представление, например, об экономике бизнеса.

Большая согласованность профессиональных программ подготовки к получению ученых степеней крайне важна для обеспечения качества обучения и эффективности вуза и привлечения талантов из-за рубежа, т.е. выполнения задачи, которая становится все более актуальной для национальных государств со стабильным или сокращающимся населением и сформировавшимися вузами, таких как Япония. В большинстве стран мира программы для аспирантов приобретают все большую популярность, выполняя функцию второго шага на пути к массовому высшему образованию, на котором когда-то главной задачей было увеличение доступности программ подготовки на степень бакалавра. Многие вузы, особенно, но не исключительно в развивающихся странах, не имеют хорошо продуманных программ для аспирантов, которые бы включали ясные перспективы для студентов и ограниченный срок получения степени.

2. Формирование культуры честолюбия

Большинство развитых и все больше развивающихся стран внедряют элементы структурированного рынка возможностей в высшем образовании, или по крайней мере данные элементы вызывают споры и при этом получают поддержку ряда учреждений высшего или среднего профессионального образования, принимающих всех выпускников средней школы. Во многих странах мира, включая Европу, отсутствие приемлемой в культурном отношении и жизнеспособной альтернативы университету и склонность стричь всех под одну гребенку препятствуют расширению доступности образования и в некоторых случаях приводят к избытку студентов в небогатых университетах.

Так, Европа, пожалуй, до сих пор перенасыщена чиновниками высокого ранга в системах высшего образования; и за этим стоит убеждение, что главный и единственный возможный путь получения высшего образования заключается в поступлении в университет. Все больше стран создают альтернативные вузы, где аттестат зрелости не является непременным условием освоения программ высшего образования, и разнообразие такого рода учебных заведений продолжает увеличиваться. Конечно, существуют ограничения на поступление в специализированные вузы, обусловленные требованиями к поступающим, финансовой помощью, финансовыми ресурсами вуза, физическими кондициями и другими факторами. Но большинство стран стремятся обеспечить широкий доступ к образованию и всячески подогревают спрос. Почему?

Причины не исчерпываются сиюминутными или даже долгосрочными потребностями рынка труда или признанием того факта, что большинство работников не раз сменят место работы в течение своей трудовой жизни, часто испытывая потребность

в переквалификации, а значит, будут нуждаться в том, что теперь принято называть обучением, которое длится всю жизнь. Не менее важно желание большинства национальных государств развивать культуру честолюбия, которая, в свою очередь, влияет на социально-экономическую мобильность, воспитывает более талантливое и предприимчивое население, обеспечивает глобальную конкуренцию и дает надежду на более благополучное и справедливое общество⁵.

Этот идеал составляет краеугольный камень для многих государств — участников ЕС в их сознательных попытках повысить уровень активности и преобразовать национальные системы высшего образования, часто преодолевая наследие явных классовых различий и откровенных предрассудков. «Все, кто может с пользой получить высшее образование, должны иметь такую возможность», — утверждает авторитетная «Белая книга», изданной лейбористским правительством Англии в 2003 г. «Это основополагающий принцип построения более социально справедливого общества, так как образование — лучший и наиболее надежный путь выхода из бедности и лишений»⁶.

В действительности большинство правительств в постмодернистскую эпоху при негласной и иногда неохотной поддержке общества вузов преследует даже более масштабные цели: сделать широкий доступ к высшему образованию, или по крайней мере возможность его получить фактически в любом возрасте, частью гражданских прав. Так же как обязательное образование в большинстве стран ОЭСР с уровня начальной школы распространилось на первые два года средней школы, в конце концов оно, возможно, включит в той или иной форме и высшее образование. Правда, экономические доводы в пользу такой политики в настоящее время неубедительны, поскольку не для всякой работы требуется высшее образование.

Но когда в начале XX в. законы об обязательном образовании были распространены на средние школы, это не объяснялось явным образом только экономическими причинами, а скорее, связывалось с идеями гражданственности, поощрения социально-экономической мобильности и укрепления равноправия, а также с множеством других национальных приоритетов, включая интеграцию иммигрантов в Америке.

Модель СРВ стремится определить основные мировые тенденции и характеристики систем высшего образования и вузов. Но существуют важные факторы внешней среды, позволяющие получить лучшее представление о сильных сторонах и трудностях, с которыми сталкиваются национальные

3. Политический климат

⁵ Дэвид О. Лавин поднимает эту тему в своей книге «Американский колледж и культура честолюбия» (Ithaca, NY: Cornell University Press, 1986).

⁶ Будущее высшего образования / Департамент образования и профессиональной подготовки, Англия. Норидж: HMSO, 2003. С. 68.

государства на пути, каждый раз особом, к формированию все более стабильных СРВ. Далее указываются три главных фактора, обуславливающих разные политические подходы и варианты политического курса.

3.1. История формирования системы

У разных наций, как правило, существенно разные истории формирования систем высшего образования, что, в свою очередь, влияет на их усилия по проведению образовательной реформы и на модель СРВ. Многие министерства образования и другие заинтересованные организации усвоили все или большинство элементов СРВ и как будто пришли к некоему консенсусу относительно целей и структуры их систем высшего образования, но они вынуждены конкурировать с сетями часто почтенных и политически могущественных университетов.

В Соединенных Штатах, например, формирование систем массового государственного высшего образования протекало на протяжении долгого времени, начиная с 1800-х годов, и с разной скоростью в зависимости от умения властей каждого штата организовать собственную систему, с нерегулярными денежными вливаниями и противоречивыми предписаниями со стороны федерального правительства.

Нынешняя система высшего образования Калифорнии, к примеру, сложилась в основном к 1920-м годам, когда образовалась передовая для своего времени трехчастная система государственных колледжей и университетов, включавшая местные двухгодичные колледжи (сегодня это калифорнийские общественные колледжи), ряд региональных вузов с упором на преподавание и ограниченные программы аспирантуры (сегодняшний Университет штата Калифорния). По мере того как население Калифорнии росло и к 1963 г. дало штату основание называться крупнейшим, а с тех пор в 2 раза превысило численность второго по населенности штата США, органично расширялась и система высшего образования путем добавления новых кампусов без какой-либо кардинальной реорганизации.

Другие штаты в основном создавали большую сеть государственных колледжей и университетов без того согласованного и последовательного подхода, какой был выработан в Калифорнии. Однако повышение спроса на специалистов с высшим образованием со стороны государственного и частного сектора, испытывавших потребность в инженерах и других квалифицированных специалистах, увеличение затрат на образование и обеспокоенность его качеством привели к тому, что в 1950-е годы штаты приступили к реорганизации всех или большей части государственных вузов. Большинство штатов сформировало новые системы со множеством кампусов, подчинив существующие колледжи и университеты одному управляющему совету.

Наиболее значительные реформы в организации американского высшего образования пришлось на период после Второй мировой войны и 1960-е годы. Как и в Калифорнии, в остальных штатах

применялся структурированный подход, позволивший успешно справляться с большим наплывом первокурсников и сохранить активный частный сектор, который при достаточном государственном финансировании усвоил элементы СРВ.

В других странах столь последовательного подхода к реформированию высшего образования не наблюдалось. Напротив, начиная с 1960-х годов мы видим, как разнятся в зависимости от национальной истории формирования вузов реакции тех или иных сообществ на экстраординарные усилия, которые были приняты во всем мире для быстрого создания систем массового высшего образования и которые часто подразумевали преобразование небольшого числа элитных вузов (созданных для правящего класса) в огромную сеть университетов. В частности, в Англии очень быстро была создана организационная инфраструктура, изначально включавшая новый политехнический сектор. Но, как известно, система, состоявшая из университетов и политехнических колледжей, сменилась вузами, претендующими на звание университетов, каждый из которых заявлял права на государственные средства и демонстрировал исследовательские амбиции.

Стремление создать более справедливое общество и вытравить вездесущую классовую структуру большинства европейских стран двигало вперед реформы образования на всей территории, называемой сегодня ЕС. И Германия, и Франция создали множество различных исследовательских центров и обязали их принимать всех желающих, снизив таким образом качество как великих старых вузов, так и новых. Кроме того, существование отдельных и щедро финансируемых национальных научно-исследовательских институтов, таких как институты Макса Планка в Германии и Национальный центр научных исследований во Франции, затруднило создание высокоэффективных университетов.

В странах с развивающейся экономикой на структуре систем высшего образования сказывается наследие колониального прошлого: в основе построения этих систем лежат первоочередные задачи обслуживания элиты и воспитания отборного класса госслужащих. Тайвань, в частности, испытал влияние сначала Японии, а затем США, стремительный экономический подъем страны привел к созданию национальной сети университетов, еще одной группы региональных университетов и к расцвету частного сектора в образовании.

Действительно, в то время как в развитых странах Европы почти нет частного сектора высшего образования, в развивающихся государствах ЕС, Южной Америки и частично Азии частный, и часто коммерческий, сектор быстро развивается, удовлетворяя тот спрос, которым не занимаются национальные государства — в основном, я думаю, вследствие дефолта, обусловленного высокой стоимостью обучения, недостатков в организации и планировании систем высшего образования и запоздалого признания данного сегмента спроса на высшее образование.

3.2. Демографические показатели

И динамика роста населения, и его состав крайне важны для понимания того, как национальные государства подходят к СРВ. В большинстве стран Европы, в Австралии, Японии, на Тайване и в Корее демографические тенденции достаточно единообразны: численность населения студенческого возраста снижается. Большинство этих и ряд других стран, до недавнего времени прилагавших энергичные усилия к повышению доступности высшего образования, теперь фокусируют внимание на качестве образования, отчетности и КПД вузов. Например, в Японии большая часть в основном небольших частных вузов считается нерентабельной. И при уже достигнутом высоком уровне доступности образования единственный шанс Японии на будущий рост университетов — это последипломное образование и увеличение числа иностранных студентов.

Как уже отмечалось, большинство стран активно привлекает в свои вузы иностранных студентов, и в некоторых случаях такая стратегия является средством поддержать в финансовом отношении собственные системы высшего образования, а в других — способом повысить уровень подготовки студентов и расширить сферу политического влияния нации. Государства с растущим населением, такие как США, Южная Америка и Индия, или страны с относительно низким уровнем доступа к высшему образованию фокусируются на возможных путях развития собственных систем высшего образования, даже если, как в случае с Китаем, не имеют достаточного рынка труда для выпускников университетов.

Другой важный с точки зрения развития систем высшего образования общемировой демографический показатель — это изменения расового и этнического состава наций, особенно в странах с развитой экономикой, которые все больше полагаются на труд и талант иммигрантов. Но даже в развивающихся странах с относительно низким уровнем доступа к высшему образованию, но с явными амбициями к повышению этого уровня, будет возрастать значение интеграции иммигрантов и предоставления образовательных услуг малообеспеченным группам местного населения.

3.3. Демократические принципы — роль относительно открытых обществ

Как уже говорилось, естественный путь для национальных государств, развивающих свои системы высшего образования, — это создание сначала организационной инфраструктуры, что позволяет сделать образование более доступным; затем совершенствование координации и повышение экономической эффективности; а в-третьих — решение вопросов качества и, в более общем смысле, сосредоточение на цели создания более благополучного и справедливого общества. Разумеется, ни одна из этих целей не исключает другую, и указанная их последовательность не является строго обязательной.

Но, думаю, можно утверждать, что — будь это развитие массового высшего образования в США или дальнейшая гонка в направлении к массовому высшему образованию в Китае — министерства

и правительства, а также лидеры в сфере высшего образования сосредоточились на макровопросах структуры системы и организационной инфраструктуры и уделяют меньше внимания практическим проблемам самоуправления, которые имеют большое значение для каждого вуза, стремящегося к постоянному совершенствованию и инновации. Как отмечалось в связи с моделью СРВ, внимание к управленческим аспектам современного конкурентоспособного и высококачественного вуза требует внутренней организации управления и достаточной институциональной автономности, без которых невозможно совершенствование изнутри. Необходим также достаточный потенциал «институционального исследования» и анализа для принятия решений по учебным и финансовым вопросам.

Но я позволю себе сказать, что есть и другой важный общемировой показатель, определяющий в конечном счете качество и влияние лучших университетов: их существование в относительно открытых обществах, построенных на демократических принципах и, что самое главное, включающих очень широкое и ясно сформулированное определение академической свободы. Действительно великие университеты настоящего и будущего имеют твердые традиции академической свободы, которые позволяют преподавателям открыто критиковать общество и национальных лидеров и обеспечивают свободу действий в исследованиях. Это существенное требование для создания университетов мирового класса, т.е. для выполнения задачи, которую поставили перед собой многие страны.

Остается открытым вопрос, являются ли университеты только отражением общества, в котором созданы и существуют, всегда ли они подчиняются его культурным и политическим нормам. Или университеты — это лидеры общества и именно в них нужно искать передовые мысли и стимулировать дискуссии?

Берусь утверждать, что университеты мирового класса являются лидерами, и в этих университетах ученые, конструкторы, социологи и преподаватели гуманитарных дисциплин обсуждают не только этику и смыслы своих областей знания, но и этику и смыслы общества в целом. Расширяя эту парадигму, можно утверждать, что университеты мирового класса — это вузы, где нет доминирования или фокусирования на одной области знания, например на инженерно-технических науках или на науках вообще; они представляют собой большое сообщество ученых и студентов, которые в той или иной форме обсуждают великие вопросы современности и завтрашнего дня.

Вопрос о роли академической свободы в стремлении национальных государств создать массовое высшее образование и сектор высокого качества, признанные во всем мире университеты, — это ключевая, но преимущественно замалчиваемая тема в глобальном разговоре о высшем образовании. Как уже отмечалось, роль академической свободы и общественных норм, в рамках которых

должны действовать университеты, имеет реальное значение для наций без устоявшихся демократических традиций и институтов или с только нарождающимися демократическими устоями.

Общества с неустойчивой политической обстановкой или с откровенной дискриминацией женщин или определенных этнических групп получают университеты со значительными ограничениями; они будут последователями, но не лидерами в мировом исследовательском процессе. И они не смогут создать такие образовательные программы, которые дадут стране сначала широко образованных студентов, а в конце концов преподавателей и людей, которых можно назвать «гражданами мира».

4. Достижение СРВ — политический курс

США, и в частности такие штаты, как Калифорния, предлагают информативные модели организации и функций систем высшего образования с подробным описанием их сильных и слабых сторон. В период после Второй мировой войны, и особенно в эпоху холодной войны, высшее образование США считалось лучшим в мире, и действительно, многие черты американской системы высшего образования — обеспечение единообразия ученых званий, банковское кредитование обучения, организационно-управленческие структуры, дифференциация целей и задач, двухгодичные колледжи и система экспертной оценки, поддерживавшая исследования, — вдохновили основные реформы высшего образования, включая Болонскую декларацию и развитие Седьмой рамочной программы исследований Европейской комиссии.

Но также очевидно, что в условиях политически трудной ситуации реформирования системы высшего образования и институциональной деятельности США не могут предложить значимых идей, и это понятно: системы, подобные высокодифференцированной калифорнийской, являются результатом долгой истории создания организационной инфраструктуры. В Калифорнии это был органический процесс формирования новых вузов, которые дополняли и сохраняли гегемонию Калифорнийского университета как главной государственной исследовательской высшей школы профессионального обучения. Это формирование новых вузов, создание системы массового высшего образования, которое также поддерживает сегмент элитных государственных университетов, относится к 1920-м годам и более раннему периоду.

Другие штаты приступили к реорганизации своих систем высшего образования в 1950-е годы, и этот процесс, как правило, включал слияние ряда государственных, а иногда, как в Нью-Йорке, и частных университетов в одну систему кампусов с единым управлением. При том что этот опыт действительно может представлять интерес и давать идеи и догадки для таких разных наций, как Корея, Бразилия, Япония, Китай и некоторые страны ЕС, следует учитывать, что развитие американской системы высшего образования в основном было завершено к 1960-м годам — полвека назад и при других политических и экономических обстоятельствах.

К лучшему это или к худшему, но система высшего образования США с тех пор относительно стабильна и подвергается только минимальному реформированию и реорганизации. Стабильность важна при создании организационной инфраструктуры и фокусировании на качестве деятельности вузов в рамках соответствующих государственных систем высшего образования. Но отсутствие инноваций и серьезного пересмотра соответствия существующей системы нынешним и будущим потребностям общества в экономическом и социально-экономическом плане чревато серьезной проблемой для США — одной среди многих вышедших на поверхность в ситуации обвала финансовых рынков.

По этим причинам попытки реформирования, предпринимаемые в Европе, включая иногда медленное, но устойчивое развитие европейской зоны высшего образования и европейского научного пространства, и процесс реформирования, идущий полным ходом в других странах, могут дать ценные примеры развития СРВ. Существенные элементы новой модели национальных систем высшего образования, которые объединяет желание академических и политических лидеров сделать их более всесторонними, более конкурентоспособными и более интерактивными в мировом масштабе, — это сочетание действий центральной власти (правительств), иницирующей реформы и обеспечивающей расширение институциональной автономности, с вузовскими стратегиями дифференциации и повышения качества преподавания и исследования, иногда чрезмерно экспансионистскими, иногда продуктивными.

Действительно, в Южной Америке и частично в Азии европейские инициативы привлекают внимание и вдохновляют. Структурированный рынок возможностей, который я описал, в значительной мере отражает американский опыт и исторический подход к созданию систем массового высшего образования, но путь каждой страны к СРВ проходит не через США.

В связи с глобальным финансовым кризисом я хочу сделать последнее замечание. В обществах с развитой системой массового высшего образования, где широкая доступность образования все более понимается как необходимый фактор социально-экономической мобильности, во времена экономической неопределенности спрос на высшее образование имеет тенденцию к повышению. Люди, теряющие работу или опасющиеся плохих перспектив трудоустройства в условиях ослабления экономики, воспринимают диплом университета или колледжа как средство получить лучшую должность. То, насколько активно будут финансироваться и поддерживаться нынешние реформы в высшем образовании в течение этого трудного экономического периода, я думаю, позволит нам со всей определенностью судить о том, какую ценность те или иные страны придают университетам и колледжам как мостам к экономическому благополучию на более длительную перспективу.

Предварительные данные свидетельствуют, что в большинстве стран мира, насколько это позволяло экономическое положение до начала «великой рецессии», высшее образование ограждали от значительных сокращений или по крайней мере откладывали их на будущий финансовый год⁷. Но есть примеры, как в некоторых регионах США, когда растущий спрос на высшее образование не удовлетворяется; действительно, доступ ограничивается и в некоторых случаях сокращается из-за дефицита государственного финансирования или недостаточного привлечения других источников доходов. Будем надеяться, что у нас будут основания вспоминать современную глобальную рецессию как оказавшую только незначительное влияние на движение к СРВ, как ускорившую проводившиеся реформы высшего образования и сократившую путь многих государств к более продуманным и конкурентоспособным сетям университетов и колледжей.

⁷ Дуглас Д.О. Высшее образование и глобальная рецессия: различные национальные реакции и их последствия / Доклад, представленный на Пекинском форуме, Пекинский университет, 7 ноября 2009 г.